

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 101

25 апреля 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя – адвоката Ан., адвоката А., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката Ан. от 02 февраля 2024 года (вх. № ... от 02.02.2024) в отношении адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 06 марта 2024 года вынесла заключение:

1) о ненадлежащем, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, участвую в судопроизводстве адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившемся:

– в незаявлении ходатайства о вручении обвиняемому М. копий постановления о привлечении последнего в качестве обвиняемого от 09 сентября 2023 года и постановления Н. районного суда города Москвы по делу № ... от 11 сентября 2023 года об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, переведенных на родной язык М. или на язык, которым он владеет;

– в незаявлении перед Н. районным судом города Москвы ходатайства о немедленном освобождении из-под стражи М. в связи с истечением на момент начала судебного разбирательства 48-часового срока с момента фактического задержания М. при наличии законных оснований для такого

ходатайства, обусловленных требованиями, предусмотренными ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 94 УПК РФ;

2) о неисполнении адвокатом А., вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в неподаче им апелляционной жалобы на постановление Н. районного суда города Москвы от 11 сентября 2023 года, которым в отношении М. была избрана мера пресечения в виде заключение под стражу;

3) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката А. по жалобе адвоката Ан. от 02 февраля 2024 года (вх. № ... от 02.02.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель – адвокат Ан. в заседании Совета подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии, ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился частично. Считает, что Квалификационная комиссия не дала оценку доводам жалобы о неисполнении адвокатом А. профессиональных обязанностей, вытекающих из требований ст. 172 УПК РФ.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердил получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласился. Поддержал обоснование причин совершения дисциплинарных проступков, изложенных им в письменном отзыве на заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 22.04.2024).

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что 09 сентября 2023 года в 16.00 час. старшим следователем Н. МРСО СУ по ... ГСУ СК России по городу Москве К. в отношении М. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 132 УК РФ. При этом еще 08 сентября 2023 года около 13.50 час. М. был доставлен в ОМВД России по району Ц. города Москвы, где в отношении него был составлен протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 18.8 КоАП РФ, заключавшемся в пребывании иностранного гражданина на территории Российской Федерации без постановки на миграционный учет в установленные законом сроки.

Факт задержания М. в магазине по месту его работы именно 08 сентября 2023 года около 12.00 час. и последующего доставления в отделение полиции подтверждается и самим М., который в ходе его допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого 09 сентября 2023 года М. пояснял,

что «08 сентября 2023 года примерно в 12 часов 00 минут я находился в магазине по вышеуказанному адресу [*город Москва, ... – Примечание Совета*], когда прибыли сотрудники полиции и задержали меня по подозрению в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении Ку. и доставили в ОМВД по району Ц. Москвы для дальнейшего разбирательства, где я добровольно сознался в их совершении».

Из отчета по заявке № ... следует, что она была размещена следователем К. в АИС АПМ 09 сентября 2023 года в 14.28 час. для назначения защитника М. в целях его участия в следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу 09 сентября 2023 года в 17.00 час. По данной заявке в 14.49 час. того же дня защитником М. был назначен адвокат А.

09 сентября 2023 года адвокат А. вступил в уголовное дело в качестве защитника подозреваемого М. по назначению следователя, предъявив ордер от 09 сентября 2023 года, и с его участием были произведены следующие следственные и иные процессуальные действия: с 17.15 час. до 18.15 час. – допрос М. в качестве подозреваемого; в 19.20 час. – составление протокола задержания подозреваемого М. в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ; в 19.25 час. предъявление М. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 132 УК РФ; с 19.30 час. до 20.20 час. – допрос М. в качестве обвиняемого.

В этот же день подозреваемым М. с участием переводчика Ал. на имя адвоката А. было подано составленное машинописным способом заявление следующего содержания: «Вы назначены моим защитником по назначению. Я даю Вам свое согласие на мою защиту по назначению. До начала допросов я имел конфиденциальную беседу с защитником и мне было разъяснено право самостоятельно пригласить защитника по соглашению. Позицию по привлечению меня к уголовной ответственности по части 1 ст. 132 УК РФ принял самостоятельно, после консультации с защитником, который разъяснил мне также право заявить ему отвод. Я отвод защитнику по назначению не заявляю. Мне также разъяснены последствия самооговора. 09.09.2023 г. М.». Данное заявление содержит подписи М. и переводчика.

11 сентября 2023 года в 16.00 час. в Н. районный суд города Москвы поступил материал, представленный в обоснование постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу. В тот же день с 17.00 час. указанное ходатайство было рассмотрено судом с участием защитника – адвоката А., а также переводчика Ал., и постановлением судьи в отношении М. была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Данное решение суда ни обвиняемым М., ни его защитником адвокатом А. в апелляционном порядке не обжаловалось, при этом М. не подавал адвокату А. письменного заявления об отказе от такого обжалования.

18 сентября 2023 года родственниками М. для защиты последнего было заключено соглашение с адвокатом Ан., который, представив следователю

соответствующий ордер, 19 сентября 2023 вступил в уголовное дело в качестве защитника М.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката А. в уголовное дело до истечения 24-часового срока, предусмотренного ч. 4 ст. 50 УПК РФ, то есть в нарушение права подозреваемого М. на свободный выбор защитника, Комиссия правильно определила правовую основу для его разрешения и пришла к обоснованным выводам о том, что свобода М. была ограничена сотрудниками правоохранительных органов, начиная с 13.50 час. 08 сентября 2023 года. Исходя из этого, 24-часовой срок для приглашения защитника истекал не позднее 13.50 час. 09 сентября 2023 года. Адвокат А., как указано выше, принял участие в первом процессуальном действии в качестве защитника М. 09 сентября 2023 года начиная с 17.15 час., то есть после истечения 24-часов с момента фактического задержания последнего. Это обстоятельство было для адвоката А. очевидным ввиду его выяснения у М. и указания в протоколе об административном правонарушении.

Факт содержания М. в ОМВД России по району Ц. города Москвы более 28 часов без какого-либо процессуального оформления свидетельствует о неисполнении уполномоченными должностными лицами законодательных предписаний, что может стать самостоятельным предметом рассмотрения в различных процедурах (в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, в дисциплинарном порядке и др.). Между тем, нарушение требований УПК РФ должностными лицами не должно влечь за собой снижение установленных законом процессуальных гарантий, исполнение которых возложено на профессиональных участников уголовного судопроизводства – адвокатов.

Восстановление прав подозреваемого, нарушенных при задержании, должно осуществляться путем признания незаконными соответствующих действий (бездействия) и решений должностных лиц и устранения допущенных нарушений, а не путем следования за такими процессуальными нарушениями при исчислении процессуальных сроков, в том числе – времени фактического задержания подозреваемого.

Квалификационная комиссия также правильно установила и подробно описала в заключении обстоятельства, свидетельствующие о том, что у М. по состоянию на 09 сентября 2023 года отсутствовала возможность пригласить какого-либо защитника по соглашению для участия в следственных и иных процессуальных действиях по уголовному делу, при этом против участия адвоката А. в качестве назначенного защитника он не возражал.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката А. в этой части дисциплинарных обвинений не опровергнута.

Дисциплинарное обвинение в том, что текст протокола допроса М. в качестве подозреваемого совпадал «как под копирку» с показаниями потерпевшей Ку., признается Советом необоснованным, так как каких-либо доказательств того, что адвокату А. на момент его участия в допросе М. в качестве подозреваемого был известен текст показаний потерпевшей Ку., заявителем не представлено.

Аналогичным образом Совет оценивает дисциплинарные обвинения, основанные заявителем лишь на словах следователя и заключающиеся в ознакомлении адвоката А. с постановлениями о назначении судебных экспертиз по уголовному делу в отношении М. отдельно от последнего, тогда как сам М. «подписывал их без участия защитника и без разъяснения прав». Заявителем – адвокатом Ан. никаких доказательств этих утверждений не представлено.

Дисциплинарные обвинения в бездействии адвоката А. при составлении с его участием в порядке, предусмотренном ст. 91-92 УПК РФ, протокола задержания подозреваемого М., заключающемся в незаявлении каких-либо замечаний и возражений, а также в неисполнении профессиональных обязанностей в ходе процедуры предъявления обвинения, Совет признает неконкретными и поэтому необоснованными. Заявителем не указано, какие конкретно замечания подлежали, по его мнению, внесению в протокол задержания подозреваемого М., на какие действия, каких лиц и в связи с чем требовалось заявить возражения в данном протоколе, а также, в чем именно выразилось неисполнение профессиональных обязанностей в процедуре предъявления М. обвинения. Неконкретность выдвинутых дисциплинарных обвинений не дает дисциплинарным органам адвокатского самоуправления возможности рассмотреть их по существу и дать оценку профессиональному поведению адвоката.

В отношении дисциплинарного обвинения в том, что протоколы допросов подозреваемого и обвиняемого М., произведенных 09 сентября 2023 года с участием адвоката А., являются идентичными «вплоть до запятой», что, по мнению заявителя, «противоречит требованиям проведения допроса», Совет, основываясь на положениях ч. 2 ст. 190 УПК РФ, отмечает, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит запрета дублирования показаний одного и того же лица, сообщенных при этом следователю фактически одновременно, в короткий промежуток времени. Как указано выше, допрос М. в качестве подозреваемого произведен 09 сентября 2023 года с 17.15 час. до 18.15 час., а его же допрос в качестве обвиняемого – спустя 1 час 15 минут, с 19.30 час. до 20.20 час. Кроме того, Совет обращает внимание, что необходимость допроса М. дважды подряд была обусловлена только изменением в этот короткий период процессуального статуса М. с подозреваемого на обвиняемого. М. при допросе в качестве обвиняемого не заявлял о намерении дать какие-либо иные показания, чем его показания в качестве подозреваемого, а также чем-либо дополнить эти свои показания. Оба протокола допроса подписаны М. лично, а также переводчиком А. и защитником А. без каких-либо замечаний, при этом М., несмотря на плохое владение русским языком, в случае несогласия с содержанием изложенных в указанных протоколах показаний имел возможность высказать возражения и в соответствии с ч. 2 ст. 18 УПК РФ изложить свои показания письменно на родном языке.

Доводы о неправильности перевода, неоднократно указанные заявителем, не относятся к компетенции органов адвокатского

самоуправления и не могут быть проверены ими в рамках дисциплинарного производства.

Не нашло подтверждения и дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. осуществлял защиту М. без ознакомления с материалами уголовного дела, с которыми адвокат-защитник имеет право знакомиться в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, а также без ознакомления с материалом, представленным в суд в обоснование ходатайства следователя об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу. В результате дисциплинарного разбирательства установлено, что адвокат А. вступил в уголовное дело в качестве защитника М. по назначению следователя фактически с момента возбуждения в отношении М. уголовного дела, принимал участие во всех следственных и иных процессуальных действиях с участием М. и в составлении протоколов этих действий. Таким образом, какого-либо дополнительного ознакомления с этими материалами ему не требовалось. Более того, сам заявитель указывает, что адвокат А. ознакомился, в том числе, и со всеми постановлениями о назначении по данному уголовному делу судебных экспертиз.

Дисциплинарное обвинение в неознакомлении адвоката А. с материалом, представленным в суд в обоснование ходатайства следователя об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу, опровергается светокопией заявления адвоката А. от 11 сентября 2023 года, в котором он просит следователя предоставить ему возможность ознакомиться с «материалами уголовного дела № ... к постановлению об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу М.», с отметкой следователя о получении данного ходатайства 11 сентября 2023 года и печатью Н. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. не сделал заявления о нарушении ч. 3 ст. 96 УПК РФ, заключающегося в неуведомлении консульства или посольства Республики ... о задержании гражданина этого государства М., Совет также признает необоснованным ввиду того, что способ и момент реагирования адвоката-защитника на возможное нарушение следователем процедуры задержания являются составной частью тактики работы адвоката по уголовному делу, которую адвокат определяет самостоятельно. В частности, это нарушение может являться самостоятельным доводом при обжаловании действий (бездействия) следователя в порядке ст. 125 УПК РФ или постановления об избрании меры пресечения.

Оценивая довод жалобы об указании следователем К. в постановлении о назначении М. защитника из числа адвокатов, входящих в состав Московской коллегии адвокатов «...», Совет отмечает, что данное постановление не содержит фамилии адвоката А., и сам по себе этот факт не свидетельствует о каком-либо нарушении установленного порядка назначения адвоката А. защитником М. При этом иных доказательств нарушения этого порядка в материалах дисциплинарного производства не имеется, напротив – Квалификационной комиссией достоверно установлены

и описаны в заключении обстоятельства, свидетельствующие, что назначение адвоката А. защитником подозреваемого М. было осуществлено в соответствии с действующим порядком на основании надлежащим образом размещенной в АИС АПМ заявки.

Совет также соглашается с выводом Квалификационной комиссии о несостоятельности доводов жалобы о совершении адвокатом А. действий, названных заявителем содействием в «засиливании сфабрикованных документов следователем Н. МРСО СУ по ... ГСУ СК РФ по городу Москве К. и признанию показаний М., которые тот не давал и не мог дать, так как не владеет русским языком и был очень удивлен тому, что написано в протоколах допроса подозреваемого и обвиняемого». В заключении Квалификационной комиссии приведены надлежащие обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Вместе с тем, дисциплинарное обвинение в бездействии адвоката А. при нарушении права М., предусмотренного ч.3 ст. 18 УПК РФ, на получение следственных и судебных документов, подлежащих в соответствии с УПК РФ обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому, не владеющему русским языком, в переводе на родной язык или на язык, которым он владеет, нашло подтверждение в результате дисциплинарного разбирательства.

Так, установлено, что копии указанных документов, переведенные на родной язык или язык, которым он владеет, обвиняемому М. не вручались. Сведений о заявлении адвокатом А. ходатайств о предоставлении обвиняемому М. переведенных на его родной язык постановления от 09 сентября 2023 года о привлечении в качестве обвиняемого и постановления Н. районного суда города Москвы от 11 сентября 2023 года об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу в материалы дисциплинарного производства не представлено.

Эти обстоятельства не отрицаются и адвокатом А., тогда как в соответствии с ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката последний, участвуя в судопроизводстве, должен был следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении. Довод адвоката А. об участии в соответствующих процессуальных действиях переводчика не влияет на оценку его профессионального поведения, поскольку участие переводчика не освобождало адвоката А. от надлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем.

Вместе с тем, Совет отмечает, что законных оснований для предоставления М. переведенных на его родной язык протоколов допросов последнего в качестве подозреваемого и обвиняемого не имеется, так как это не предусмотрено уголовно-процессуальным законом.

Совет также признает доказанным дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. не обратил внимание Н. районного суда города Москвы в ходе судебного рассмотрения ходатайства следователя об избрании М. меры пресечения в виде заключения под стражу на то обстоятельство, что на

момент начала судебного разбирательства – 17.00 час. 11 сентября 2023 года 48-часовой срок с момента фактического задержания М. истек (в 13.50 час 10 сентября 2023 года), и, следовательно, М. в соответствии с ч. 2 ст. 94 УПК РФ подлежал освобождению из-под стражи.

Как следует из протокола от 08 сентября 2023 года, составленного полицейским ОР ППСП ОМВД России по району Ц. города Москвы Ш., М. был задержан им 08 сентября 2023 года в 13.50 час. и доставлен в дежурную часть ОМВД России по району Ц. города Москвы. Как указано выше, сам М. осознавал и в ходе его допросов в качестве подозреваемого и обвиняемого с участием адвоката А. заявлял, что 08 сентября 2023 года был задержан по подозрению в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении Ку.

Таким образом, для адвоката А. как профессионального независимого советника по правовым вопросам было очевидно, что фактическое задержание его доверителя М. за совершение преступления имело место до момента возбуждения уголовного дела, а именно 08 сентября 2023 года в указанное выше время. При этом адвокат А. был обязан руководствоваться взаимосвязанными положениями ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 94 УПК РФ о том, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. По этой причине он обязан был поставить перед Н. районным судом города Москвы вопрос о немедленном освобождении М. из-под стражи, так как продолжение его содержания под стражей после истечения 48 часов с момента фактического задержания существенно нарушало его конституционное право на свободу.

Каких-либо сведений, опровергающих данное дисциплинарное обвинение, адвокат А. не представил.

Дисциплинарное обвинение в том, что адвокат А. не обжаловал в апелляционном порядке постановление Н. районного суда города Москвы от 11 сентября 2023 года об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу, Совет также признает обоснованным, соглашаясь с заключением Квалификационной комиссии.

Как следует из постановления Н. районного суда города Москвы от 11 сентября 2023 года, при рассмотрении ходатайства следователя К. об избрании в отношении М. меры пресечения в виде заключения под стражу защитник – адвокат А. возражал против удовлетворения данного ходатайства следователя. Однако суд позицию адвоката-защитника А. не разделил, избрав в отношении М. меру пресечения в виде заключения под стражу. Как указано выше, М. не подавал адвокату А. письменное заявление с просьбой не обжаловать вышеуказанное постановление.

Данные обстоятельства, не отрицаемые и самим адвокатом А., свидетельствуют о том, что он был обязан обжаловать указанное постановление суда, однако не сделал этого, что свидетельствует о неисполнении им профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет признает презумпцию добросовестности адвоката А. в отношении перечисленных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его вину в совершении соответствующих дисциплинарных нарушений при описанных обстоятельствах – установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката А. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет отмечает их умышленный и грубый характер, сопряженный с явным игнорированием адвокатом обязательных профессиональных правил поведения при исполнении обязанностей защитника. Профессиональное поведение адвоката А. свидетельствует о его недопустимом отношении к исполнению профессиональных обязанностей и наносит вред авторитету адвокатуры. Вместе с тем, учитывая отсутствие у него предыдущих нарушений, признание вины в совершенных дисциплинарных проступках и заверение в недопущении подобного впредь, Совет считает целесообразным предоставить адвокату А. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, участвуя в судопроизводстве адвокат должен следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем М., выразившееся:

– в незаявлении ходатайства о вручении обвиняемому М. копий постановления от 09 сентября 2023 года о привлечении последнего в качестве обвиняемого и постановления Н. районного суда города Москвы по делу № ... от 11 сентября 2023 года об избрании М. меры пресечения в виде

заключения под стражу, переведенных на родной язык М. или на язык, которым он владеет;

– в заявлении перед Н. районным судом города Москвы ходатайства о немедленном освобождении М. из-под стражи в связи с истечением на момент начала судебного разбирательства 48-часового срока с момента его фактического задержания при наличии законных оснований для такого ходатайства, обусловленных требованиями ч. 2 ст. 22 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 94 УПК РФ;

неисполнение, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката во взаимосвязи с п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в неподаче апелляционной жалобы на постановление Н. районного суда города Москвы от 11 сентября 2023 года, которым в отношении М. была избрана мера пресечения в виде заключение под стражу.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по жалобе адвоката Ан. от 02 февраля 2024 года (вх. № ... от 02.02.2024), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков